

МЕТАМОРФОЗИС

ТОМ 4 №3

2020

студенческий научный
журнал

Научный руководитель проекта:

Т.Ю. Сидорина (д-р филос. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ)

Главный редактор:

Алексей Натальский

Редакция:

Ашурова Елена (философия)

Багирова Амалия (история)

Базенков Кирилл (история современного мира)

Бурмистрова Анастасия (филология)

*Горожанцева Евгения (трансмедийное производство в цифровых
индустриях)*

Джафарова Этери (журналистика)

Канавин Дмитрий (философия)

Кутепов Вячеслав (журналистика)

Лаврищев Даниил (философия)

Морозов Даниил (философия)

Певницкий Дмитрий (философия)

Терентьев Владимир (история)

Черчимцева Анастасия (филология)

metamorphosis-journal.com

vk.com/metamorphosisjournal

facebook.com/metamorphosisjournal

Выпуск журнала осуществлен в рамках учебного проекта НИУ ВШЭ:

Разработка периодического издания в сфере гуманитарных наук – 2020/2021

<https://pf.hse.ru/293711632.html>

© МЕТАМОРФОЗИС 2020

© АВТОРЫ СТАТЕЙ 2020

ISSN: 2658-3976

Тема номера: Философия техники

Дорогие читатели!

Мы рады приветствовать вас на страницах декабрьского выпуска нашего журнала!

Сейчас мы учимся и работаем в далеко не привычных для нас условиях, многое изменилось. Кому-то не хватает общения в аудитории, книжных полок библиотек, а кто-то приветствует перенос нашей жизни в онлайн пространство. Редакция журнала *Metamorphosis* настроена оптимистически, в новый 2020/2021 учебный год мы пришли, как обычно, в обновленном составе и надеемся, что новые условия игры не помешают продолжению нашей публикационной работы и встречам с читателями.

А поскольку многие из нас проводят вечера (и не только) дома, мы предлагаем скоротать зимнее время за чтением статей нового номера нашего журнала.

Тема этого номера навеяна техническими переменами и изменениями в жизни человека и общества. Мы все так или иначе причастны к ним, и одно только дистанционное образование уже подтверждает это.

Проникая во все сферы жизни, техника становится неотъемлемым атрибутом существования или даже выживания человека. Философская рефлексия над подобной ситуацией в отдельных случаях может помочь человечеству преодолеть кризис, который ему пророчат различные исследователи, связывающие закат человечества с эпохой технологий.

В силу того, что тема номера достаточно специфична, мы решили отобрать самые интересные, содержательные работы. Открывает номер обзорная статья Арины Лепиловой о двух взглядах на будущее техники: технооптимизм и технопессимизм. Одна из насущных проблем: какое место человек может обрести в технологизированном мире? А. Маслова рассматривает вопрос о существовании “гибкого человека”, вытесняющего представление об “экономическом человеке” традиционного капитализма, Полина Лелейкина критически анализирует значение интернета и его влияние на политическую роль индивидов через концепцию Е. Морозова, Павел Гущин раскрывает специфику теории органопроекции и рефлексии над тем, не находит ли человек в технике продолжение самого себя. Завершает этот блок статья Марии Федоровой, посвященная взгляду на трансгуманиста как “человеческого бога” в высокотехнологичном обществе.

В своей увлеченности техникой мы не забываем и о других направлениях гуманитарных исследований! В этот технический номер мы добавили статьи по литературе и социальной философии. Зульфия Музипова поднимает вопрос вкусов русского читателя XIX века, Вера Костюкова предлагает непривычный ракурс рассмотрения, изученного, казалось бы, вдоль и

поперек «Евгения Онегина», а также не перестающая быть актуальной проблема антиутопий и инструментов надзора раскрывается Сергеем Луковенковым.

Мы выражаем благодарность всем членам редакции, а также нашим авторам, предоставившим свои работы для этого номера. Спасибо вам, оставайтесь с нами!

Редакция журнала

С о д е р ж а н и е

5 *Арина Лепилова*

Технопессимизм & технооптимизм

10 *Сергей Луковенков*

«Демократизация» надзора: Средство «от» и «для» антиутопий

18 *Мария Федорова*

Модель человека технического будущего: о богах и киборгах

25 *Полина Лелейкина*

Технопессимизм Евгения Морозова

28 *Павел Гуцин*

Развитие теории органопроекции в сочинениях философов конца XIX – начала XX века

33 *Анастасия Маслова*

Модель человека технического будущего

37 *Зульфия Музипова*

Проблема формирования читательского вкуса в статьях Карамзина «О книжной торговле и любви ко чтению в России» и Жуковского «Письмо из уезда к Издателю»

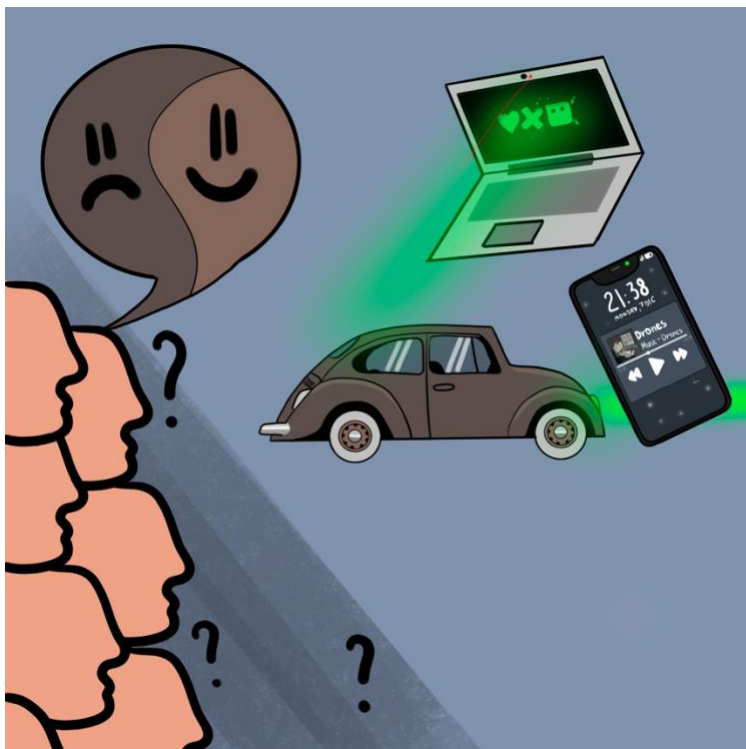
38 *Вера Костюкова*

Анализ XXIV строфы в Пушкинском «Евгении Онегине»

42 *Рекомендации по библиографическому оформлению сносок и списка литературы*

Технопессимизм & технооптимизм

Арина Лепилова (образовательная программа «Философия»)

Две основные точки зрения на возможные сценарии развития взаимоотношений между техникой и человеком — технооптимизм и технопессимизм — главным образом исходят, эксплицитно или имплицитно, из некоей телеологии, из цели исторического развития или же утверждения отсутствия таковой. В свою очередь полагание исторического развития основано на представлении о времени как линии последовательных событий, каждое из которых обычно рассматривается

как причина и следствие, и какой-то из этих элементов может признаваться закономерным и необходимым, а какой-то — случайным или несущественным. Впрочем, по преимуществу все они — факты, события, действия — оказываются вплетены в определенный систематизирующий их взаимосвязь нарратив, устремляющийся в момент времени, отдаленный от философствующего в этот период ума недостижимой дистанцией, заполнить которую можно бесконечными комбинациями событий. Возможно, есть некоторый смысл вычислять степень вероятности наступления того или иного варианта развития событий, но, с философских позиций, кажется куда более осмысленным говорить о будущем, лишь достаточно осмыслив то, что уже дано, — прошлое и настоящее.

Не вдаваясь в подробности дискуссий о методах философии истории, о методике истории как науки, чтобы не упустить из виду проблематики собственно философии техники, следует отметить: всякая оптимистическая или пессимистическая картина будущего мира и будущего человека в мире техники или ее отсутствия — это *прогноз*, основанный на систематизации определенных представлений о прошлом и об определенном понимании человека вообще, а следовательно — о выделении *принципа* развития отношений человека и техники. Можно наметить следующие онтологически различающиеся пути определения

такого принципа: 1) на основании понимания человека как обладающего разумом и свободой, которая выражается, прежде всего, в активности разума, в самоопределении человека к действию. Такое понимание идет рука об руку с пониманием истории как осуществлении свободы, и здесь техника является лишь неким вспомогательным средством, оказывающимся во многом прерогативой мира физического в противовес идеальному, т.е. свободе; она не обладает такими человеческими характеристиками, как спонтанность мышления, сила воображения, аффекты и страсти (Кант, Шиллер, Фихте, Гегель); 2) на основании раскрытия сущности техники и ее роли в понимании истины (Хайдеггер).

В первом случае мы говорим о так называемом классическом противопоставлении, характерном для традиции, берущей начало у Декарта, – субстанции мыслящей и протяженной. С некоторыми оговорками можно обобщить это и сказать так: техника – это поддающийся определенному оформлению материал, пассивность. В свою очередь она, конечно, может служить *средством* для обработки другого материала, но в целом определяется законами естественных и точных наук: ее поведение просчитывается. В то же время техника – в ином значении, но в рамках той же онтологии – относится к способам деятельности и представляет собой набор правил, алгоритмов, которые должен выучить сам человек, чтобы затем воспроизводить их в труде, искусстве и прочих видах активности, т. е. в области своего проявления. Как в первом, так и во втором случаях определения техники возможно встать на позицию оптимизма или пессимизма. Оптимизм может быть основан на вере в победу чисто человеческого, в бесконечность совершенствования человеческого рода и его приближения к Абсолюту, в реализацию его назначения в качестве человека. Это – просвещенческая вера в разум, в господство человека над природой, над объектами, над областью пассивности, не-Я. Такое представление показывает Фихте: «Подчинить себе все неразумное, овладеть им свободно и согласно своему собственному закону – последняя конечная цель человека; эта конечная цель совершенно недостижима и должна оставаться вечно недостижимой, если только человек не должен перестать быть человеком, чтобы стать богом. В понятии человека заложено, что его последняя цель должна быть недостижимой, а его путь к ней бесконечным»¹.

Пессимизм же может быть основан на всепоглощающей механизации труда, исчезновении творческого характера деятельности, подчинении человека принципу

¹ Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И. Г. Сочинения: в 3 т. Т. 2. / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. С. 18.

математического просчета, подавлении его свободы, а также – что уже относится к игре воображения в духе антиутопий – исчезновении человеческого рода вообще. Еще одной стороной пессимизма представляется понимание природы как неподвластной человеку стихии, способной в любой момент нанести ответный удар за бездумное и высокомерное отношение к ее ресурсам. В таком случае мы будем говорить о господстве машин, о порабощении человека, об экологических катастрофах, а попытки спасения будут сведены к морализаторству в духе Г. Ропля: «Природа нашей планеты еще имеет последний шанс: если человек не совершит требуемого ныне экотехнического поворота, то он рано или поздно, согласно экологическим принципам, исчезнет»². Философ техники рано или поздно в силу определенных экономических и политических обстоятельств обретет статус эксперта по конечному и неоспариваемому определению понятий хорошего и плохого, красивого и безобразного, etc., которые затем можно будет в виде императивов и руководств для поведения включить в краткий курс для специалистов самого широкого профиля.

При обоих подходах в рамках такой онтологии мы видим противопоставление, характерное для «старого» спора: между материей и формой, свободой и необходимостью. Принимая за отправную точку наличие в человеке «вечного», «неизменного», личности (Person), о которой говорил в том числе и Шиллер, некоего не поддающегося подсчету и эксперименту активного начала, одухотворяющего принципа, делающего человека прежде всего свободным, мы рискуем оказаться в области непрекращающихся споров оптимистов и пессимистов, в котором каждый на свой лад и для своих целей будет оценивать влияние техники, делать прогнозы на будущее. Стоим ли мы на позициях просвещенческих или контрпросвещенческих; верим ли мы в победу разума или в темную силу бессознательного, но здесь – «Вновь на сцене старые фигуры, и не переменялось ничего, кроме схемы их противостояния друг другу...»³.

Без углубления в понимание сущности техники мы действительно окажемся в плену подобного одностороннего мышления и жарких дебатов. Посему было бы разумно рассмотреть технику онтологически иначе. Выпутаться из этих сетей поможет Хайдеггер в «Вопросе о технике». Несмотря на то, что его настроения в отношении техники скорее пессимистические, его пессимизм оказывается целительным и с некоторой долей «просвета» надежды. В нем просматривается возможность выбора в пользу отказа от падения, а именно –

² Ропль Г. Техника как противоположность природы // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 12.

³ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2002. С. 10.

падения во власть техники со всеми последствиями как для отдельного человека, так и в целом для той установки, которая формируется *людьми*. Постав, который характеризуется как просчет, подсчет, механизация и необходимость постоянного извлечения той или иной выгоды (в том числе энергии, ресурсов), может быть преодолен. И дело не в том, что технические изобретения просто втягивают нас в определенную систему отношений и только затем определяют наше поведение; а в том, что есть предшествующий этому выбор в пользу того или иного способа отношения к техническим разработкам. Выбор этот может быть обусловлен изначальным попаданием человека в определенную историческую ситуацию, в уже существующие и принятые смыслы и способы понимания. Углубление в рассмотрение сущности понятий в такой ситуации покажет, что дело не просто в определенных следствиях использования некоторого средства, помогающего человеку как активному разумному существу воздействовать на материю в классическом понимании, а, скорее, в том, чтобы усмотреть за этим способ раскрытия потаенности. Важно, каким образом происходит раскрытие потаенности, идущей рука об руку с пониманием той самой свободы, обретающей в этой исторической интерпретации уже иное раскрытие. «Свобода правит в просторе, возникающем как просвет, т. е. как выход из потаенности. Раскрытие потаенного, т. е. истина — событие, к которому свобода стоит в ближайшем и интимнейшем родстве»⁴. Свобода, понимаемая не в контексте чистой причинности и связи с волей, открывает путь к возможности пропустить раскрытие потаенности человеком, не успев обнаружить более раннюю истину в противовес раскрытию существа техники; таков технопессимизм Хайдеггера в «Вопросе о технике».

Впрочем, такая несубстанциальная точка зрения, расчищая поле философствования от бесконечного приведения определений, от противопоставлений двух начал, субстанций, необходимости преодолевать дуализм и противоречие между свободой и природной необходимостью, раскрывает возможности рассмотрения более фундаментального. Пессимистическая и оптимистическая точки зрения на технику в такой плоскости оказываются не вопросами о будущем господстве техники над человеком или человека над техникой, а вопросами, прежде всего, философского характера в изначальном понимании задачи философского метода в раскрытии сущности и истины. Такое вопрошание философии

⁴ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 232.

техники при более тщательной разработке смогло бы способствовать преодолению «болезни» современного философствования от второстепенных и не входящих в ее область вопросов.

Библиография

Рополь Г. Техника как противоположность природы // *Философия техники в ФРГ*. М., 1989.

Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // *Фихте И. Г. Сочинения: в 3 т. Т. 2.* / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления* / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993.

Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // *Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация; О боли*. СПб.: Наука, 2002.

Сноски

1 *Фихте И. Г.* Несколько лекций о назначении ученого // *Фихте И. Г. Сочинения: в 3 т. Т. 2.* / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. С. 18.

2 *Рополь Г.* Техника как противоположность природы // *Философия техники в ФРГ*. М., 1989. С. 12.

3 *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт // *Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация; О боли*. СПб.: Наука, 2002. С. 10.

4 *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления* / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 232.

.

«Демократизация» надзора: Средство «от» и «для» антиутопий

Сергей Луковенков (образовательная программа «Философия»)

Повседневная, политическая, экономическая и социальная деятельность человека пронизана надзорными отношениями, но что же такое «надзор»? Этим сложным термином описывается способ реализации дисциплинарной власти и контроля на всех уровнях социального – от семьи до государства – посредством различных практик и методов. Слежка, обустройство личного и публичного пространства, составление законов и норм

поведения, – это лишь некоторые механизмы, использующиеся для направления человеческого «поток» в нужном «русле». В историческом разрезе трудно, если возможно в принципе, обнаружить общество, элементы культуры которого были бы полностью лишены надзорного потенциала. Например, религиозные предписания и законы могут быть осмыслены в качестве основы самонадзора и возможного инструмента фильтрации и/или изоляции, а градостроительство – как создание пространства регуляции поведения населения. Как следствие, подобные плоды культурной деятельности людей можно рассматривать как инструментарий социального инженера, словно это государственный аппарат, патриарх семейства, руководитель отдела или капиталист. Вторая важная предпосылка статьи – утверждение, что на протяжении истории, пусть и не в абсолютных значениях и чаще в пассивной форме, нежели в активной, но монополия на реализацию дисциплинарно-надзорной деятельности принадлежала государству, правящему классу, религиозной власти и иным элементам, укладывающимся в понятие «социальных верхов», которые обеспечивали и обеспечивают возможность самого существования надзора как «взгляда сверху». Другими словами, «надзор – не есть нечто новое. С незапамятных времен люди «приглядывали» за

другими, чтобы проверять, что они задумали, следить за их успехами, организовывать и заботиться о них»¹.

Техническое усложнение методов надзора шло параллельно с процессами общего развития и усложнения технической культуры и роста населения, став в конце концов частью одной, но крайне важной и острой социально-философской темы, которая вполне может претендовать на первенство значимости среди проблем XXI века – отношения человека и техники, их взаимообития и влияния на жизнь общества и тех, кто «подключает» себя к информационно-цифровому дублированию реальности, вне зависимости от добровольности этого действия. Если попытаться выделить стержневую идею, источник динамики технологического преобразования надзора или некий телеологический принцип, то представляется разумным сформулировать это следующим образом: движение по направлению к постепенному сжатию «слепой зоны», недоступной надзирающему взгляду властного агента. Знаки различия, введение паспортов, антропометрия – все это этапы процессов сужения зоны приватного, делающих человека все более открытым и доступным для воздействия дисциплинарных механизмов, удобной и универсальной «деталью» в руках социальных инженеров.

Важной вехой в понимании необходимости, возможности права личности быть «невидимой», а не только защищенной от физического насилия и посягательств на частную собственность, стала публикация 1890 г. «Право на приватность» американских юристов Самюэля Варрена и Луи Брандея. Авторы этой знаковой для истории американской юридической мысли работы отстаивали требование закрепления приватности в легальном поле, что было естественным развитием законов о защите личности в свете «недавних изобретений и способов ведения бизнеса»², монетизирующих сокровенную жизнь человека. Как зачастую случается, постановка проблемы обусловлена не столько появлением «приватного» в конце XIX века, как нового и ранее не имеющего места феномена, сколько общественным пониманием нависшей над этим явлением опасности и неспособности текущих норм и институтов адекватно реагировать на вызовы и кризисы, связанные с появлением техники, обгоняющей культурное время.

Ощущение движения цивилизации к постепенной утрате приватности для обычных людей, то есть для рядовых граждан, работников и в целом для людей в подвластной позиции, нашло выражение в литературном жанре антиутопий. Для одного из поджанров

¹ Lyon D. *The Electronic Eye*. Hoboken: Wiley, 2013. P. 22.

² Warren S., Brandeis L. (1890) *The Right to Privacy*. Harvard Law Review, vol. 4, no. 5. P. 195.

антиутопического творчества характерны образы будущего цивилизации, где технологии позволили небольшой властной группе возыметь абсолютную власть над информационными потоками в обществе, то есть максимально сцепить, связать между собой власть и знание: монополию на насилие и исключительные права на создание и распространение информации. В классических работах – «Мы», «1984», «О дивный новый мир» и др. – с невероятной, и потому – почти пугающей точностью, оказались схвачены социокультурные сдвиги, явившиеся следствием массового проникновением коммуникационных технологий в жизнь простых людей. Неудивительно и то, что произведения, оформившие канон футуристических антиутопий, были написаны в XX столетии. И дело не только в опыте тоталитарного государства, попытавшегося неприкрыто подчинить тела и сознания, но и в понимании потенциала «мягкого» контроля общества и общественного сознания, скрывающегося в новых технологиях коммуникации, разрывающих социальные и географические барьеры. Разрушительный опыт идеологизации, помноженный на предполагаемый эффект стремительно развивающихся технологий, привел почти к невротическому ожиданию будущего, когда окажется реализован один из антиутопических сценариев – авторитарный режим или пораженный безграничным консьюмеризмом дивный новый мир.

На текущий момент, когда пишется эта статья, подобные сценарии, как кажется и как хочется верить, еще не стали элементом нашей повседневности. Можно предполагать, что высокие информационные и цифровые технологии еще не до такой степени интегрированы в жизнь и функционирование социума и личной жизни человека, что есть куда «расти»; но мне видится, что причина несколько в ином, а конкретнее – в «демократизации» надзора и инструментов контроля. Под «демократизацией» в этом случае понимается процесс, противоположный концентрации инструментов влияния и контроля информации в руках немногочисленных групп. Массовое распространение доступной цифровой техники, подключенной к единому информационному полю, до некоторой степени подорвало привычное распределение ролей, где возможность надзора и контроля коррелировала с иерархическим положением человека. Надзор обрел «текущее» измерение, перестав быть исключительно вертикальным явлением. Подручные девайсы, такие как смартфоны, ноутбуки, умные часы, видео-регистраторы, веб-камеры, оказались эффективными приспособлениями генерации информации, а популярные платформы и социальные сети стали своеобразными пунктами обработки, где различная информация может быть преобразована из сырого материала в капитал новых экономических отношений. Закономерно, что к широкому спектру терминов, призванных схватить *Zeitgeist* XXI столетия,

прибавились такие характерные словосочетания, как «капитализм платформ», «надзорный капитализм» и «общество наблюдения». Для нас – это еще не история, а живой процесс, разворачивающийся здесь и сейчас. Вспоминается время, когда мировая паутина воспринималась как место для развлечения молодежи или как место, где группы активистов могли что-то критиковать, что-то планировать и что-то политически заявлять, не представляя при этом реальной угрозы монополии власти на контроль за информацией или на надзор. Но оказалось, что цифровой мир – это место, которое не только сопротивляется традиционному паноптическому надзирателю, но и атакует его, срывает с него «мантию-невидимку», лишая сакрального статуса неопределенной анонимной силы, разлитой по телу общества, и потому – неизбежной. Например, на странице проекта WikiLeaks, где расположены внутренние документы Сайентологической церкви, выложено официальное письмо представителя Центра Религиозных Технологий, требующего удалить материалы, поскольку их публикация нарушает интеллектуальные права религиозной организации³. Как уже очевидно, ничего не было удалено. Показательность этой ситуации в том, что цифровое пространство, несмотря на возрастающую юридическую регуляцию, во многом остается неподвластным традиционным рычагам давления «сильных мира сего», ранее успешно использованных для контроля информационного поля. Схожее преследуется в ситуации с блокировкой мессенджера Telegram в России. Сетевая реальность стала противовесом и инструментом сопротивления, что видно по использованию, к примеру, того же Telegram в гонконгских и белорусских протестных движениях не только в смысле удобного инструмента координации действий людей, но, что, возможно, еще более важно, и как альтернативного – буквально оппозиционного – канала, не дающего пропасть информации, которая при иных условиях не достигла бы общественности, не став топливом для активизма. Общество «прозрачности» оказалось противовесом «авторитаризму», но понимаемого не в качестве политической системы, а как монополии на производство информации.

Вместе с тем, всегда есть «но». Антиутопии, как негативные и нежелательные проекции возможного будущего, не ограничиваются картинками концентрации власти и знания в руках условно одного-единственного Большого Брата или Паноптикона. При всех преимуществах и благах, которые привнесли массовые цифровые технологии и статус интернет-пространства как силы, на которую приходится оглядываться, вызванные ими текущие и долгосрочные

³ Church of Scientology collected Operating Thetan documents
(https://wikileaks.org/wiki/Church_of_Scientology_collected_Operating_Thetan_documents) Просмотрено:
11.11.2020

проблемы не должны восприниматься как необходимое зло. А проблем этих очень много – одни более заметны, другие – менее. Кибербуллинг, stalking, деанонимизация, социально-опасный хакинг – это примеры негативных последствий «демократизации» надзора, которые часто взрывают медиасферу из-за громкости событий, продемонстрировавших реальный вред обществу, а не только возможный и не очевидный для многих людей. Можно привести множество примеров, когда травля в интернете заканчивалась самоубийствами; вспоминаются случаи парализации значимых структур (больниц, атомных станций, крупных производств) программами-вымогателями. Эти и другие проблемы напрямую связаны со стремительным сокращением дистанции между «Реальным» и «Виртуальным», однако не менее важными представляются тенденции, влияние которых только предстоит оценить.

Цифровая среда доказала свою эффективность в качестве противовеса власти не-цифрового мира, поставив под вопрос монополию на поставку «картины мира» и право на создание общественного консенсуса через вовлечение людей в данные процессы. Важным является именно массовая вовлеченность как категории количества, индивидов – наблюдателей и акторов – посредством информационно-цифровых медиаторов. Как следствие, Интернет стал синонимом места свободы слова и выражения. Впрочем, как показывает неутешительный опыт последних годов, Интернет-пространство уже далеко ушло от статуса «нейтральных вод» или «ничейных земель». Facebook, Youtube, Twitter, Vkontakte и другие платформы демонстрируют тенденции к концентрации власти над знанием и продвижением способов мышления на своей «территории». Иногда за этими стремлениями скрываются благие намерения, оправдывающие практику цензурирования потока информации: борьба с пропагандой терроризма, мошенничеством, посягательством на неприкосновенность частной жизни и др., но именно создаваемая морально-этическая неопределенность – это и есть свидетельство серьезности проблемы. «Fake news», «язык ненависти», «недостоверная информация» – эти и другие явления-инструменты требуют практически юридически точных формулировок, которые позволили бы и сохранять независимость сетевого мира, и обеспечивать безопасность пользователей в сети и за ее пределами. Основная задача сегодняшнего дня, относительно интернет-среды, для пользователей и производителей информационно-цифровой инфраструктуры состоит в попытке не дать этой виртуальной плоскости превратиться в архипелаг идеологически различных паноптиконов, где конкурентная борьба идей, живой диалог противоположных позиций и свободный поток информации не превратились бы в воспоминания о «золотом веке Интернета». Как замечает канадский исследователь и социолог Дэвид Лайон, «паноптические

принципы исторически служили для поддержки иерархии и классного разделения, как в домах и школах, так и на производствах и в тюрьмах»⁴. Один из результатов политизации или «паноптизации» информационных гигантов заключается в постепенной потере возможности коммуникации между разными группами, что в условиях практически отсутствующей дистанции между «Реальным» и «Виртуальным» способно приводить к вполне реальным конфликтам. Нечто подобное видно в противостояниях радикальных сторонников «Black Lives Matter» и радикальных консерваторов в США, где возможность мирной коммуникации стремится к нулю из-за отсутствия нейтральных мест для «переговоров». Так, сторонники «BLM» и других левоориентированных организаций в основном активны в Facebook и Twitter, тогда как представители праворадикальных позиций, чьи крупные ресурсы блокируются на популярных площадках, появляются в Telegram-каналах и аналогах крупных платформ. И эта ситуация довольно показательна для всей крупной медиасферы, а появление, пусть пока и относительно мелких, альтернатив медиа-гигантам демонстрирует, что возрастает спрос на «независимые» источники создания и потребления информации, будто мы выходим на новый виток цифровой истории, когда нынешнему интернет-пространству потребуется уже свой противовес в форме Интернета 2.0. Наблюдая подобные процессы, сложно не согласиться с выводами Шюсана Зубофф о трансформации способа действия власти в условиях цифровой современности. Американская исследовательница пишет о целях инструментальной власти, как «вместо оружия и армий она реализует свою волю через автоматизированную среду все более распространенной вычислительной архитектуры «умных» сетей, вещей и пространств»⁵. Было бы несправедливо возлагать ответственность за проблемы «демократизации» технических средств надзора и коммуникации только на медиа-гигантов или власть, которая активно цифровизируется и превращает наши данные в свой капитал, создавая новые формы управления и подчинения, основанные на принципе соучастия, в котором системы и платформы «знают их (людей – С.Л.) лучше, чем они знают сами себя»⁶.

Летом 2020 г. в Южной Корее приобрел большую и печальную известность интернет-проект «Digital Prison», публиковавший данные (фотографии, настоящие имена, адреса, телефоны и электронные ящики) тех, кто подозревался в совершении преступлений, особенно – педофилии в Интернете. В статье издания «The Korea Times», посвященной этой теме, приводятся слова оператора сайта: их задачей является «наказание преступников тем, чего они

⁴ Lyon D., Bauman Z. Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013. P. 13.

⁵ Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. Kindle Edition, 2019.

⁶ Zizek S. The Relevance of the Communist Manifesto. Hoboken: Wiley, 2019. P. 11.

опасаются больше всего – раскрытием их личности»⁷. И действительно, первое громкое появление «Digital Prison» в медиасфере связано с публикацией личных данных преступника-педофила, осужденного по резонансному делу. После этого события активность проекта стремительно набирала обороты, пока возможность использования и реализации информации не привели к жертвам среди людей, чьи данные оказались на сайте, хотя эти люди не были причастны к преступлениям. Так, самоубийство студента университета Сеула, попавшего под давление социума после обнародования его данных на сайте и обвинений в преступлениях, породило общественную дискуссию о моральной и правовой дозволенности подобного цифрового самосуда, практики «осуждай и обличай» и опасений, что подобные инструменты могут быть использованы для мести или вымогательства. Вскоре веб-сайт проекта был заблокирован на территории корейской республики, а в середине сентября перестал действовать в связи с арестом оператора. Можно было бы сказать, что это уникальный случай и ничего подобного в истории российского и всемирного Интернета не было и нет, но это бы не соответствовало реальному положению дел. Впрочем, негативные стороны цифровой культуры не должны внушать технологический пессимизм, поскольку рассеивание контроля за информацией, возможность контроля «снизу» и разрушение сакральности иерархии – это прекрасные и доказавшие свою полезность плоды «демократизации» надзора и слияния «Виртуального» и «Реального», которые отложили технологический апокалипсис, пусть и породив трудности, необходимые для преодоления нашей цивилизацией, чтобы еще раз отложить наступление антиутопических проектов.

Библиография

Lyon D. The Electronic Eye. Hoboken: Wiley, 2013.

Warren S., Brandeis L. (1890) The Right to Privacy. Harvard Law Review, vol. 4, no. 5, pp. 193-200.

Lyon D., Bauman Z. Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013.

Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. Kindle Edition, 2019.

Zizek S. The Relevance of the Communist Manifesto. Hoboken: Wiley, 2019.

Сноски

1 *Lyon D.* The Electronic Eye. Hoboken: Wiley, 2013. P. 22.

2 *Warren S., Brandeis L.* (1890) The Right to Privacy. Harvard Law Review, vol. 4, no. 5. P. 195.

7 Jung M-ho. 'Digital Prison' reveals identities of child porn site operator and judges who released him. 19th of July (https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/11/251_292556.html). Просмотрено: 11.11.2020.

3 Church of Scientology collected Operating Thetan documents
(https://wikileaks.org/wiki/Church_of_Scientology_collected_Operating_Thetan_documents)

Просмотрено: 11.11.2020.

4 Lyon D., Bauman Z. Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013. P. 13.

5 Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. Kindle Edition, 2019.

6 Zizek S. The Relevance of the Communist Manifesto. Hoboken: Wiley, 2019. P. 11.

7 Jung M-ho. 'Digital Prison' reveals identities of child porn site operator and judges who released him. 19th of July (https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/11/251_292556.html).

Просмотрено: 11.11.2020.

Модель человека технического будущего: о богах и киборгах

Мария Федорова (образовательная программа «Философия»)

Введение

Радикальное улучшение (radical enhancement) – фактически, бессмертие – центральная задача трансгуманизма. Проект трансгуманизма, в самом широком смысле, направлен на изменение границ и возможностей человеческой эволюции, а также на изменение понимания самой эволюции. С точки зрения сторонников трансгуманистической концепции, эволюция может быть подконтрольна человеку. Контроль над эволюцией обеспечивается посредством применения разработок в области робототехники, искусственного интеллекта, биотехнологий, когнитивных нейронаук и нанотехнологий к преодолению ограничений человеческих способностей¹.

Это касается как физических ограничений, так и когнитивных: практики проектирования условий жизни человека (engineering the human condition) позволят устранить физические недостатки человека, улучшить его интеллектуальные способности и привить ему ранее недоступные навыки, которыми обладают другие виды млекопитающих. Конечным пунктом постулируемой трансгуманизмом модели развития человеческого вида служит замедление старения или ликвидация данного процесса, в целом – обеспечение бессмертия².

Хаускеллер отмечает, что трансгуманисты, скорее, предпочли бы быть богами, нежели киборгами³. Вопреки отказу большинства сторонников трансгуманизма от каких-либо

религиозных коннотаций, которые могут быть приписаны их проекту, стремление к «обожевлению» человека в нем усматривается достаточно отчетливо. Может ли, однако, вселенная допустить существование в ней богов? И, если может, насколько божественными будут такие боги? Эта проблема является ключевой для настоящей работы. Теологические основания трансгуманистической модели постчеловека представляют особый предмет интереса. Данная статья пробует показать, что трансгуманисты – это действительно «новые» боги. Однако именно претензия на божественность – краеугольный камень трансгуманистического проекта, а отнюдь не претензия на возможность бессмертия как такового. Для того, чтобы обосновать это утверждение, нужно предпринять попытку реконструировать модель постчеловека, а также выявить неизбежное распадение постчеловеческого мира на две сферы: активную и пассивную.

Человек как болезнь: улучшение и терапия

Взгляд трансгуманизма на перспективы человека – это взгляд в пользу постчеловека, осуществившего победу над природой как таковой и над природой человека в частности. В качестве исходного допущения, лежащего в основании трансгуманистического проекта, выступает утверждение о том, что «быть человеком – это болезнь»⁴. Поэтому понятия терапии (therapy) и улучшения (enhancement) в контексте рассматриваемой дискуссии оказываются неразличимы. Если выдвигать положение, согласно которому человеческий вид не удовлетворяет нашим устремлением, тогда избавиться от человека – это одновременно и усовершенствовать его, и излечить в результате. Поэтому улучшение человека представляет собой «окончательную» терапию⁵. Этот тезис обозначается в данной дискуссии как тезис о тождестве улучшения и терапии (enhancement-therapy identity thesis)⁶.

Такого рода терапия полагается трансгуманизмом как обязательство перед человечеством. «Улучшить других и себя» – форма морального долженствования⁷. Это положение проистекает из нормативной установки трансгуманизма на несправедливость природы: биологические условия, ограничивающие человека, неприемлемы и должны быть устранены⁸. Так, проект улучшения человека может быть наиболее ясно выражен в призыве Макса Мора: «Давайте вырвемся из наших старых форм, из нашего невежества, наших слабостей и нашей конечности. Будущее – за нами»⁹. Фатальность уязвимости физической природы человека, его подверженности аффективным импульсам, дефективность его когнитивных способностей требуют коррекции, которую технологии могут осуществить.

В рамках полемики вокруг тезиса о тождестве терапии и улучшения обыкновенно выделяют четыре сферы улучшения человека: эмоциональное улучшение, когнитивное улучшение, моральное улучшение и радикальное продление жизни¹⁰. Эмоциональное улучшение предполагает избавление человека от зависимости от собственных состояний и аффектов с помощью технологического вмешательства таким образом, при котором подобные состояния оказываются подчинены строгой системе интересов и рациональных установок. Когнитивное улучшение, необходимое для устранения когнитивных дефектов, заключается в стимуляции головного мозга и расширении границ его возможностей посредством специальных медикаментов или практик инвазивного вмешательства. Моральное улучшение, обусловленное недостаточной благостью человека, призвано улучшить способности человека к эмпатии, любви и справедливости. Наконец, финальный пункт улучшения человека – радикальное продление жизни – бессмертие – должно быть обеспечено благодаря генной инженерии, нано- и биотехнологиям. О последнем стоит написать более подробно.

Две сферы «нового мира»: боги и титаны

Общее представление человека о себе как о некотором автономном агенте ограничено с двух сторон: во-первых, фактом конечности и, во-вторых, идеей бесконечности. Тем не менее ряд трансгуманистов полагает, что одной лишь идеи недостаточно для того, чтобы а) жизнь имела значение; б) могло быть достигнуто благо. Так, Мор утверждает, что пока человек смертен, его жизнь лишена какого-либо значения или ценности, а сам человек не может претендовать на достижение счастья¹¹. Только вечная жизнь, которая уподоблена или, скорее, приравнена к божественной, обладает требуемой ценностью и может быть расценена как благая¹². Это один из ключевых аргументов, как правило, приводимых в пользу радикального улучшения. Трансгуманизм стремится снять ограничение человека фактом конечности и идеей бесконечности, нивелировав первое и наделив объективной значимостью второе.

Итак, бессмертие в том смысле, в котором о нем говорит трансгуманизм, выступает в качестве критерия для определения того, что означает быть богом и как им стать. Здесь можно обнаружить два существенных момента. С одной стороны, трансгуманизм не сообщает, достаточно ли реализации проекта улучшения во всех его формах для уравнивания человеческой жизни с божественной. Как нам представляется, этого недостаточно. Важно подчеркнуть, что мы исходим из определения Бога через акт творения – активного действия, осуществляющего переход от бесконечного к конечному.

Очевидно, что реализация радикального улучшения предполагает наличие, по меньшей мере, двух агентов, участвующих в этой реализации: активного (улучшающего) и пассивного (улучшаемого). Получается так, что ближе к божественному образу оказывается активный агент, а не пассивный, поскольку первый фактически совершает акт «сотворения» нового вида. Собственно говоря, насколько мы можем судить, именно на создание нового вида – постчеловека – и претендует трансгуманизм. В таком случае, трансгуманисты – это новые боги, но те, кому они предлагают данный путь развития, богами не являются и ими не станут. Так, постчеловек – это, выражаясь метафорически, титан. Однако титан – это уже и еще не бог.

С другой стороны, остается не вполне ясно, как в «обожествленном» постчеловеческом мире будет устанавливаться концептуальная рамка этического измерения. Формулируемое нами допущение, согласно которому постчеловек – это только титан, но не бог, – позволяет указать на возможность как таковой этики. Действительно, этика не нужна богам. Но она нужна постчеловеку. В этом смысле, необходимым условием возможности этики на постчеловеческом этапе развития является то, что мир, в котором она формируется, – это все еще не божественный мир.

Но здесь возникает фундаментальная трудность. Мир, получаемый на исходе, оказывается разделен на две части: созданного постчеловека, пассивного агента, и трансгуманиста, активного агента, также обладающего свойствами постчеловека, но стоящего над ним в силу своей активности. В этой связи появляется риск порождения центрального этического конфликта. Трансгуманист осуществляет контроль над функциями и свойствами постчеловека, а также мониторинг его деятельности в постчеловеческом обществе. Этот контроль обеспечивается посредством того, что а) трансгуманист принимает решение относительно того, как именно будет преобразован изначальный человек, и б) трансгуманист отвечает за реализацию самого преобразования.

В то же время, постчеловек, будучи зависимым от трансгуманиста, находится в пределах той модели человеческого развития, которой придерживается последний. Тем не менее постчеловек – это усовершенствованное существо, которое, если проследить предлагаемые ему трансгуманизмом ступени развития, не может быть беспрецедентным объектом контроля. Во всяком случае, если помимо усовершенствования мы не имеем дело также с либо внедрением в постчеловека искусственных элементов контроля (например, вживленного чипа), либо установлением определенного общественного строя, который бы определил

границы: а) применимости улучшающих технологий и б) деятельности постчеловека в условиях этого строя.

Заключение

В данной статье была предпринята попытка продемонстрировать биполярность трансгуманистического проекта, направленного на радикальное улучшение человека. Конфликт, который был выделен, главным образом, состоит в неизбежной привилегированности отдельной группы агентов, – трансгуманистов – которые будут исполнять роль богов «нового» мира. Новый мир, условно управляемый группой трансгуманистов, стоявших у истоков его возникновения, биполярен: в нем есть «настоящие» боги, искусственным образом достигшие пика собственной эволюции, и в нем есть титаны, также усовершенствованные, но, тем не менее, не включенные в привилегированную группу. Такой мир возможен при условии, что «постчеловек» – с необходимостью будет слабее, чем «трансгуманист». Эта дифференциация сил должна быть заложена в сам проект на первых этапах его осуществления. Допустим ли, однако, такой мир, *sub specie aeternitatis*? Вероятно, для вселенной в этом мире будет слишком много богов, даже если их будет двое.

Основания, позволяющие расценивать трансгуманистов как богов, базируются на задачах самого трансгуманистического проекта. Трансгуманист – это тот, кто создает новый мир, а не существует в нем. Трансгуманист задает критерии, по которым определяются дефективность настоящего положения дел и необходимость улучшающих практик. Трансгуманист также показывает, каким образом эти практики могут быть претворены в жизнь, какие практики должны применяться к конкретным сферам и какой результат мы должны получить в конце. Это стремление, которое наблюдается в трансгуманизме, – естественная «воля к власти» – не требует пояснений, поскольку оно ожидаемо. Однако оно является одной из ключевых причин, по которым действительная реализация данного проекта может представлять угрозу: быть богами сложнее, чем киборгами.

Библиография

Buchanan, Allen *Beyond Humanity?* Oxford: Oxford University Press, 2011.

Hall, M. *The Bioethics of Enhancement: Transhumanism, Disability, and Biopolitics*. Lexington Books, 2016.

Harris, J. *Enhancing Evolution. The Ethical Case for Making Better People*. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Hauskeller, M. *Mythologies of Transhumanism*. Palgrave Macmillan, 2016. 10.1007/978-3-319-39741-2.

Manzocco, R. *Transhumanism – Engineering the Human Condition*. Springer Praxis Books. Springer, Cham, 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04958-4_11.

More, M. *Transhumanism. Towards a Futurist Philosophy*, 1996. www.maxmore.com/transhum.htm.

Persson, I., & Savulescu J. The Perils of Cognitive Enhancement and the Urgent Imperative to Enhance the Moral Character of Humanity // *Journal of Applied Philosophy*. 2008. 25/3: 162–77.

Savulescu, J. New Breeds of Humans: the Moral Obligation to Enhance // *Reproductive BioMedicine Online*. 2005. 10, Supplement 1: 36-39.

Сноски

1 Manzocco, R. *Transhumanism – Engineering the Human Condition*. Springer Praxis Books. Springer, Cham, 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04958-4_11.

2 Hall, M. *The Bioethics of Enhancement: Transhumanism, Disability, and Biopolitics*. Lexington Books, 2019.

3 Ibid. P. 163.

4 Hauskeller, M. *Mythologies of Transhumanism*. Palgrave Macmillan, 2016 10.1007/978-3-319-39741-2. P. 136.

5 См. к прим.: Buchanan, Allen. *Beyond Humanity?* Oxford: Oxford University Press, 2011.

6 Hauskeller, M. *Mythologies of Transhumanism*. Palgrave Macmillan, 2016 10.1007/978-3-319-39741-2. P. 127.

7 См. подр. к прим.: Savulescu, J. *New Breeds of Humans: the Moral Obligation to Enhance* // *Reproductive BioMedicine Online*. 2005. 10, Supplement 1: 36–39; Harris, J. *Enhancing Evolution. The Ethical Case for Making Better People*. Princeton: Princeton University Press, 2007; Persson, I., & Savulescu J. *The Perils of Cognitive Enhancement and the Urgent Imperative to Enhance the Moral Character of Humanity* // *Journal of Applied Philosophy*. 2008. 25/3: 162–77.

- 8 *Hauskeller, Michael*. Mythologies of Transhumanism. Palgrave Macmillan, 2016. 10.1007/978-3-319-39741-2. P. 146.
- 9 Ориг. цит.: “Let us blast out of our old forms, our ignorance, our weakness, and our mortality. The future is ours”. Цит. по.: *More, M.* Transhumanism. Towards a Futurist Philosophy, 1996. www.maxmore.com/transhum.htm.
- 10 *Hauskeller, M.* Mythologies of Transhumanism. Palgrave Macmillan, 2016. 10.1007/978-3-319-39741-2. P. 127.
- 11 *More, M.* Transhumanism. Towards a Futurist Philosophy, 1996. www.maxmore.com/transhum.htm.
- 12 *Hauskeller, M.* Opus.cit. P. 172.

Технопессимизм Евгения Морозова

Полина Лелейкина (образовательная программа «Философия»)

Тенденция технопессимизма развивается еще со времен промышленных революций, в силу неоднозначности последствий технологического прогресса и его влияния на общество. На данный момент интернет – одно из наиболее развивающихся явлений этого прогресса, которое в корне изменило пути взаимодействия и образ мышления людей, и, как следствие, трансформировалась и политическая жизнь. По этой причине дискуссия о позитивных и негативных аспектах интернета становится объектом философского анализа.

С позиции Е. Морозова, вопреки видимому плюрализму мнений и свободе самовыражения, Глобальная сеть мешает демократизации общества и свободе слова, так как она также является мощным инструментом контроля и пропаганды. В своих работах он переосмысляет очевидную точку зрения позитивизма, согласно которой современные технологии ведут к демократизации авторитарных режимов, потому что ряд политических событий XXI века доказал обратное, а развитие технологий, анализирующих поведение, способно детерминировать процесс нашего мышления. Возникает новый вид социального контроля, основанного на алгоритмах и Больших данных, что влечет за собой «перепрограммирование государства и то, чтобы сделать его более удобным для обратной связи, вытесняя другие способы ведения политики»¹. Технопессимизм Е. Морозова преимущественно направлен на переоценку последствий преобразования политической сферы технологиями, и в случае более комплексного осмысления его работ выявляются фундаментальные проблемы, касающиеся не только технологического прогресса и политики, но и мышления в целом.

Уже у Аристотеля человек определяется как политическое животное, ему свойственно стремление к общественной жизни и, более того, политика необходима человеку для улучшения своего существования. Чем шире и доступнее поле обсуждения политических проблем, тем успешнее должно становиться и включение в них. Глобальная сеть стала неотъемлемым потоком информации, местом соединения социальных групп и свободного выражения мнения. Наряду с этим, интернет скорее дает необходимое ощущение свободы выражения и множественности выбора, к которым стремится каждый человек. Это формирует ложное чувство того, что решения и мысли действительно принадлежат тебе, хотя зачастую выбор определяется тем, в каком информационном поле заключен человек. В этом состоит неизбежность возможного манипулирования общественными массами: путем сбора

информации, алгоритмов и анализа поведения вокруг человека создают «пузырь» с определенными политическими проблемами и подходящими ему событиями, в которые он должен быть погружен. В случае, когда государство успешно владеет инструментами управления, трансляция нужных мнений и идеологий упрощается, равно как и упрощается политическая жизнь человека. Х. Ортега-и-Гассет отмечал упадок критического мышления и связывал его с техническим прогрессом, порождающим массовость и опустошение жизни, в силу рационализации технологиями всех ее сфер². Взаимоотношения техники и человека стали крайне близкими, ведь интернет обеспечил комфортные условия, в которых свою мысль можно не развивать, а найти уже существующую.

Пагубные эффекты, о которых пишет Морозов, явно обусловлены свойством Глобальной сети как технологии: это всеобъемлющая сеть, включенная во все аспекты реальности человека. Виртуальное пространство конструирует смыслы и вплетается в культуру, и в случае политики технологии создают новую цепь взаимодействия человека и государства, где интернет выступает в роли посредника. Отсюда вытекает и идея автора об «игрофикации» политических процессов, когда государство постоянно получает обратную связь, а человек в этой цепи скорее играет по правилам правительства и не вносит вклада в решение политических проблем. Это скорее лишь цепь потребления, на которой выстраивается вся современная культура.

Невозможно отрицать усиливающуюся зависимость человека от технологий и то, насколько они стали органичным продолжением общественной жизни. Можно сказать, что интернет уже стал ее центром, и, если человек не подключен к происходящему в сети, он выключается из актуальной реальности. Технологии развиваются быстрее человека, поэтому он становится пассивен и зависим от них. Главным образом встает вопрос о человеческой свободе мысли, и возможно ли достичь свободы в условиях технологического прогресса. Проблемы, проявившиеся в политической сфере жизни в XXI веке – отражение проблем человечества в целом. То, как отдельный человек создает реальность сейчас, сопряжено с тем, какую информацию он потребляет, и какую информацию ему дают потребить. Реальность в ее сущности уже невозможно осознать из-за усиления зависимости от Глобальной сети: человек пропускает бытие через виртуальную реальность, и уже впоследствии получает его иллюзию. Поэтому свобода человека и его мышление также начинает зависеть от технологий, и, как следствие, на фоне развития техники происходит постепенный упадок духовной жизни, так как все становится более универсальным и рационализированным. Так, развивается

«сетевая структура»³ М. Кастельса, которая во многом изображает процессы, упомянутые в работах Морозова: интернет является основой деятельности человека, что формирует у него сетевое мышление, характеризующееся постоянной сменой ценностей и ориентиров⁴.

В конечном итоге, технопессимизм Е. Морозова нельзя назвать утопическим или радикальным, ибо он не идет по пути слепого скептицизма касательно влияния технологий на политическую жизнь. Он находит явные негативные стороны новой модели восприятия, а также видит, как они могут позитивно преобразовывать общественную жизнь и делать политическое поле более многогранным и свободным. Стоит лишь понимать, что интернет – это одновременно двигатель прогресса и инструмент воздействия на сознание человека.

Библиография

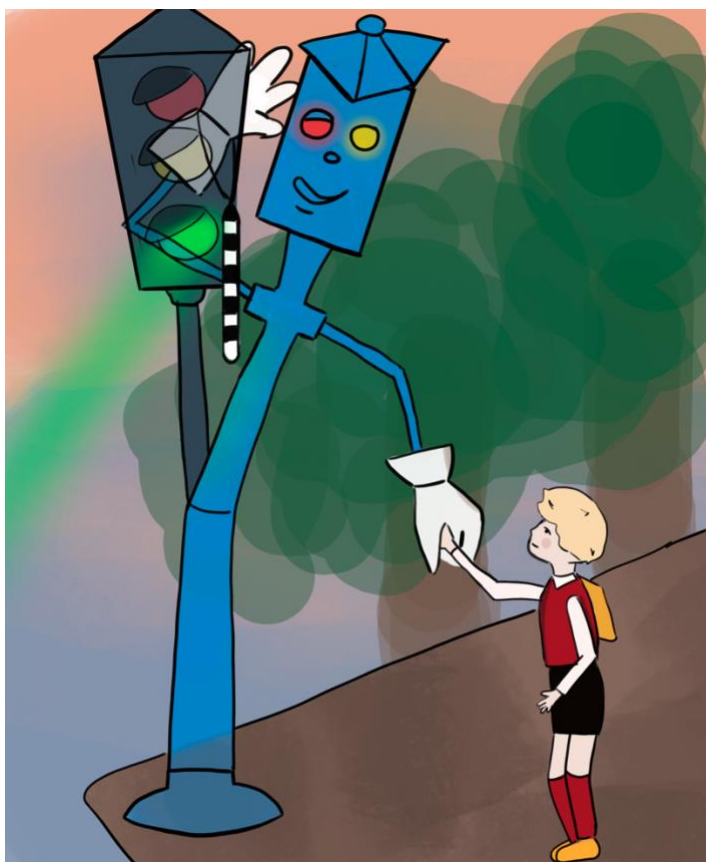
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Издательство «Весь Мир», 1997.
- Castells, M.* The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1 / Wiley-Blackwell, 2009.
- Morozov E. The rise of data and the death of politics // The Guardian. 2014. Т. 20. №. 07.

Сноски

- 1 *Morozov E.* The rise of data and the death of politics //The Guardian. 2014. Т. 20. №. 07. Р. 8.
- 2 *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. С. 30–32.
- 3 *Castells, M.* The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1 / Wiley-Blackwell, 2009.
- 4 Там же.

Развитие теории органопроекции в сочинениях философов конца XIX – начала XX века

Павел Гуцин (образовательная программа «Философия»)

Данная работа посвящена одному из путей философской рефлексии технического бума, вызванного индустриальной революцией: явлению, берущему свое начало еще в конце XVIII века с изобретением парового двигателя, но вылившегося в глобальное изменение во всех сферах человеческой жизни именно в XIX веке. Тогда же Эрнстом Каппом была разработана интересующая нас теория органопроекции. Не получив серьезного развития, теория Каппа все же нашла поддержку среди более поздних исследователей, которые старались более рационально обосновать положения этой теории. Они находили

более общие закономерности, которые позволяли бы с большей уверенностью говорить о том, что концепция органической проекции может считаться если не в полной мере научной (если угодно, исторической), то хотя бы в достаточной степени философской.

В рамках работы будут кратко освещены основные положения как исходной теории Каппы, так и других, более поздних мыслителей, которые уделяли внимание органопроекции, а также представить своё отношение к их идеям и перспективам теории в целом.

Индустриальная революция решительным образом изменила не только взгляд человека на окружающий его мир, но и восприятие им самого себя: человек стал осмысливать себя механически – и это первая немаловажная деталь, на которую обращается внимание при работе с теорией органопроекции. Посвященные ей тексты буквально пронизаны этой мыслью: «я – это мое тело», мыслью, которая еще совсем недавно казалась философам если

не контринтуитивной, то как минимум иррациональной, ведь «я» – это наблюдатель, а «моё тело» – это нечто постороннее, нечто наблюдаемое. Новый человек перестал быть наблюдателем, он превратился в «деятеля».

Именно эта деятельность встала во главу угла в размышлениях Эрнста Каппа об историческом развитии человека. Отсюда же он приходит к двум точкам зрения на это самое развитие – развитие человеческого тела. Первая пытается связать изменение человеческого тела в ходе эволюции с созданием и совершенствованием орудий труда: они же, спроецированные вовне человеческого тела, привели к тому, что человек перестал нуждаться в их естественных прототипах. Другая точка зрения очень близка к первой, но все-таки сложно сказать, что она полностью из нее выводима: все орудия (а впоследствии вообще все достижения материальной культуры) являются проекциями частей тела человека.

Эти два пункта можно назвать основой учения об органопроекции, которые без колебаний разделяются всеми его последователями, хотя и могут претерпевать некоторые изменения (например, Флоренский напоминает, что прототипом летательного аппарата, стала птица¹). Но именно в этих положениях уже содержится проблема, которую будет проиллюстрирована с помощью одной из аналогий, проводимых между человеческим телом и его «проекцией» в материальном мире. Флоренский² (вслед за Каппом³) уверяет нас в том, что устройство человеческого тела (расположение костей, их соединение, форма и т.д.) – это явный прототип архитектурных конструкций: и тот факт, что человек сумел разработать такое выверенное искусство как архитектура еще до того, как узнал, каким образом скрепляются кости в его теле, свидетельствует о том, что это было ничто иное как бессознательная проекция. Мой ответ на подобное утверждение следующий: законы механики одинаковы, как для костей, так и для каменных блоков и железной арматуры. До нового времени, не формулируя этих законов, человек на собственном негативном опыте обнаруживал соответствующие закономерности и конструировал в зависимости от них мир вокруг себя. Возводимые им здания рушились, а человек воспринимал это как очередной урок, продолжая попытки до тех пор, пока не разработал архитектуру в той мере, в какой она позволяла строить, не опасаясь за надежность конструкции.

Естественно, архитектура здесь взята как наиболее очевидный пример, но в частности ко всем объектам, обозначенным как органические проекции, можно применить схожий принцип анализа, основанный на том факте, что человек не бессознательно копирует свое тело, а, скорее, бессознательно обнаруживает законы макромира, в котором существует его тело, и создает орудия, механизмы и т.д. в соответствии с этими законами: это более крупный и куда более общий принцип преобразования человеком мира, завязанный не на самопознании, а на приспособлении.

Первые теоретики органической проекции даже не пытались искать этот (или какой бы то ни было другой) универсальный принцип, по которому происходит перенесение человеческих членов на предметы материальной культуры. Зато Павлом Флоренским такая попытка была предпринята. В статье, посвященной органопроекции, он утверждает, что говорить лишь об одном внешнем сходстве отдельных орудий и частей тела – достаточно наивно и не слишком методично. Поэтому он предлагает, ссылаясь и на других мыслителей, обратить внимание не столько на внешнюю похожесть, сколько на идентичность функций⁴. Дорабатывая эту концепцию, он обвиняет прежних исследователей в деизме и механицизме, не замечая, как и сам впадает в крайность, граничащую с детерминизмом.

Он рассуждает о функциях частей тела человека как о чем-то очевидном, тогда как в мире, где правит естественный отбор, тело формируется иным, нежели машина, способом: в то время как элементы машины служат для выполнения тех или иных функций, именно потому, что они были для того созданы, части тела человека формировались по принципу «кто выжил и дал потомство, тот и сохранил свой геном для будущих поколений». Таким образом, причина, характерная для механизмов, в случае живого человека заменяется следствием: у древних людей не потому были когти, что они позволяли охотиться и обороняться, а потому, что когти позволяли убивать добычу и давать отпор естественным врагам. Если учитывать эту поправку, то взгляд Флоренского можно считать в целом верным, тем более, что он вполне осознанно зачастую заменяет термин «орудие» на более нагруженный смыслом термин «приспособление», что наводит на мысль о том, что Флоренский понимал необходимость сведения теории органопроекции к доминирующему в научном сообществе эволюционному учению.

Понимал он это еще и потому, что читал работу Пола Каруса «Философия инструмента», ход мысли в которой в целом схож, как кажется, с изложенным выше. Ключевой здесь становится следующая фраза: «The life of organisms, including the action of the brain, far from being a break in the mechanical laws of the universe, should be considered a higher, a more perfect, and more complete degree of the mechanical»⁵. Если еще раз вернуться к примеру с архитектурой, то можно обнаружить точки соприкосновения. Карус отчётливо понимает, что тело, испытанное миллионами лет борьбы за существование, естественным образом должно оказаться приведенным в состояние совершенного механизма (опять же, с той оговоркой, что ее функции не должны мыслиться механистически). И именно отталкиваясь от того факта, что это самое тело существует в условиях конкретных законов механики (и прочих законов физики), мы должны осознать, что сходство объектов материальной культуры, создаваемых человеком, с членами его тела связано вовсе не с бессознательным проецированием собственного тела вовне, а с вполне логичным стремлением к совершенному выполнению тех же самых функций в условиях тех же самых природных законов – это и естественно, ведь человек всегда стремится к лучшему.

Библиография

Kann Э. Философия машины / Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Часть II (<https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479/3481>).

Флоренский П.А. Органопроекция. / Флоренский П. А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3 (1) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 402–421.

Carus P. The philosophy of the tool. Chicago: The open court publishing company, 1893.

Сноски

1 *Флоренский П.А.* Органопроекция. / Флоренский П. А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3 (1) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 421.

2 Там же. С. 414.

Развитие теории органопроекции в сочинениях философов конца XIX – начала XX века

3 *Kapp Э.* Философия машины / Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Часть II. Глава IV. Внутренняя архитектура костей. (<https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479/3481>).

4 *Флоренский П.А.* Указ. соч. С. 403–404.

5 *Carus P.* The philosophy of the tool. Chicago: The open court publishing company, 1893.

Модель человека технического будущего

Анастасия Маслова (Образовательная программа «Философия»)

До недавнего времени основной моделью, которую чаще всего использовали исследователи¹ для описания человека, являлась модель «человека экономического», которая была характерна для эпохи индустриального и постиндустриального общества. Она характеризуется тем, что такой человек, в первую очередь, нацелен на результат, максимальную экономическую выгоду; роль науки становится решающей. Зигмунд Бауман называет эту эпоху «человека экономического» эпохой «тяжелого капитализма»². Однако с усилением цифровизации общества и всех его процессов такая модель сильно устаревает, восприятие времени и пространства, прошлого и будущего изменяется, поэтому она больше не может в полной мере описывать человека и общество. На ее место приходит новая модель, которую можно назвать моделью «гибкого человека». Она является авторской и характеризуется отсутствием у человека внешних связей, способностью легко адаптироваться и желанием получать быстрое удовольствие. В тексте подробнее рассмотрена модель человека технического будущего – модель «гибкого человека», а также рамки, в которых он будет существовать.

Прежде чем перейти к описанию модели «гибкого человека», стоит изобразить действительность, в которой такой человек будет существовать. Можно проследить некоторые тенденции развития технологий, которые в будущем, скорее всего, будут реализованы: это продолжение цифровизации всех сфер человеческой деятельности, включая отдых, а также воплощение в реальность некоторых идей трансгуманизма. Следствием первого допущения будет то, что физическое присутствие человека будет неумолимо сокращаться, в то время как виртуальное, наоборот, расширяться; время также будет ощущаться по-другому: в эпоху развитых технологий появляется возможность получить желаемую вещь мгновенно. Следствием же второго допущения является увеличение продолжительности жизни, когда человек будет оставаться здоровым дольше. Несмотря на эти технические прорывы, возможность отхода от капиталистического общества кажется маловероятной: более оптимальная экономическая система еще не была придумана. Тем не менее, капитализм не будет существовать в том же виде, в котором он существовал в XX веке, на место «тяжелого

¹ Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2008. С. 195.

² Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С. 62.

капитализма» придет «легкий капитализм», как его называет Зигмунд Бауман. Такой капитализм будет актуальным еще в течение длительного времени. З. Бауман характеризует «легкий капитализм» тем, что экономические отношения с работодателем являются нестабильными и непостоянными, что приводит к восприятию человеком любых связей как временных. Влияние техники можно легко проследить: новые технологии могут заменить человека в любой момент; они позволяют быстро и безболезненно для производства усовершенствовать любые процессы самостоятельно и без постоянного штата рабочих.

Исследователь Ворожихин В. В. считает³, что человек будущего – это «человек творческий», который занимается высококвалифицированным творческим трудом. Безусловно, творчество занимает важное место и в настоящем, и в будущем. Однако едва ли можно назвать моделью человека будущего «человека творческого». Высококвалифицированным трудом смогут заниматься только единицы: во-первых, такой труд представляется достаточно сложным: немногие смогут его освоить; во-вторых, для него не требуется большое количество людей, поэтому многие им заниматься не будут. Таким образом, модель «человека творческого» не может называться моделью человека будущего.

Модель человека будущего – это модель «гибкого человека». Она характеризуется тем, что у человека в эпоху «легкого капитализма» не только нет почти никаких связей с его работой и с окружающими его людьми, но и тем, что такой человек может легко адаптироваться к абсолютно любым изменениям: у него нет никакой уверенности в будущем, которую ему мог бы гарантировать его работодатель, поэтому быстрая адаптация – единственный верный вариант *выживания*. Более того, такой человек может не обладать определенной специальностью. Либо многие профессии появятся в течение жизни человека и ему придется их осваивать, либо он будет понимать, что почти любая деятельность доступна: знание перестает быть элитарным и каждый может научиться, чему он захочет (за исключением некоторых профессий)⁴. В эпоху технологий и трансгуманизма «гибкий человек» будет стремиться к получению удовольствия не только в период детства и

³ Ворожихин В. В. Формирование человека будущего: от человека экономического к человеку творческому // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-1. (<https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-cheloveka-buduschego-ot-cheloveka-ekonomicheskogo-k-cheloveku-tvorcheskomu>). Просмотрено: 02.10.2020.

⁴ Например: врач, ученый и т.д.

юношества, которые не отягощены трудом и работой, а в течение всей жизни⁵, так как «гибкий человек» будет главным образом сосредотачиваться на настоящем моменте, а не на будущем, которое ему никто не может обещать. Удовольствие как раз и является этим «моментом счастья», которое может быть гарантировано прямо сейчас. Также важной характеристикой «гибкого человека» является его эгоистичность и концентрация внимания, в первую очередь, на себе и своем удовольствии. Это объясняется тем, что «гибкий человек» не привязан ни к своей работе, ни к другому человеку.

Итак, человек технического будущего будет существовать в условиях «легкого капитализма», при котором связи между работодателем и работником, человеком и другим человеком будут достаточно слабыми. Такая модель будет называться моделью «гибкого человека», которой характерна способность человека быстро адаптироваться под меняющийся мир; сам человек будет более здоровым, а продолжительность жизни увеличится; определенной профессией большинство людей обладать не будет, так как появится возможность быстро научиться необходимым навыкам для актуальной работы. Жизнь будет восприниматься как набор моментов в настоящем, «гибкий человек» будет меньше привязан к будущему, поэтому он начнет искать удовольствия, которые он мог бы получить сразу же. «Гибкий человек» будет сильнее сконцентрирован на себе и меньше – на окружающих. Несмотря на эти характеристики «гибкого человека», не стоит предполагать, что наступит антиутопия: этого не случится. Человек будет более эгоистичным и менее привязанным к окружающим, однако видимые связи будут сохраняться для извлечения выгоды и выполнения проектов, которые в одиночку не смогут быть воплощены.

Библиография

- Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Ворожжихин В.В.* Формирование человека будущего: от человека экономического к человеку творческому // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-1. (<https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-cheloveka-buduschego-ot-cheloveka-ekonomicheskogo-k-cheloveku-tvorcheskomu>) Просмотрено: 02.10.2020.

⁵ *Рошак Т.* Истоки контркультуры / Пер. с англ. О. А. Мышаковой. Москва: АСТ, 2014. С. 87.

Рошак Т. Истоки контркультуры / Пер. с англ. О. А. Мышаковой. Москва: АСТ, 2014.
Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФРАН,
2008.

Сноски

- 1 Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФРАН,
2008. С. 195.
- 2 Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
С. 62
- 3 Ворожихин В. В. Формирование человека будущего: от человека экономического к человеку
творческому // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-1.
- 4 Например: врач, ученый и т.д.
- 5 Рошак Т. Истоки контркультуры / Пер. с англ. О. А. Мышаковой. Москва: АСТ, 2014. С. 87.

Проблема формирования читательского вкуса в статьях Карамзина «О книжной торговле и любви ко чтению в России» и Жуковского «Письмо из уезда к Издателю»

Зульфия Музипова (образовательная программа «Филология»)

Задачей Карамзина, как критика, было найти национальную самость и, что, наверное, еще важнее, вписать русскую литературу в контекст европейской, то есть придать ей весомость и значение, поставить в один ряд с великими произведениями не только современности, но и средневековья и античности (обеспечив таким образом русскую литературу историей, а, следовательно, и авторитетом). Кажется, что журнал Карамзина неслучайно называется «Вестником Европы» (подобное название как будто знаменует «первый шаг» вступления в пространство западной культуры и, конечно, приобщения к ней). Вышедшая в этом журнале в 1802 статья «О книжной торговле и любви ко чтению в России» заслуживает отдельного внимания.

Уже по заголовку статьи можно составить представление о содержании и некоторых идеях писателя: во-первых, провозглашение «любви ко чтению», что становится некоторой попыткой реабилитации образа человека русского и одновременно любящего читать. То есть Карамзин хочет вывести образ читателя на рынок, утвердить просвещенческий путь и образованность народа (что, конечно, не совсем является правдой, Карамзин берет срез читающего и уже грамотного населения, а не срез всего народа). Во-вторых, критик уже пытается подружить коммерцию со словесностью. Однако писатель очень спокойно относится к коммерциализации литературы и, более того, даже считает это необходимостью и нормальным явлением (он, как работник в журнале, конечно, получает свою выгоду от этого, и призыв покупать журнал своего рода реклама).

Карамзин оправдывает и восхваляет любую торговую точку, будь то ярмарка, книжная лавка или еще что-то. Возникает, безусловно, вопрос качества содержания продаваемых книг. Однако Карамзин тут выступает категорически и подводит все под одно единственное утверждение: любая литература – хорошо! Такая резкая утвердительная мысль, конечно, очень сомнительна, и ее можно было бы оспорить, что потом и сделает Жуковский. Однако критик выступает в этой статье с позиции защитника просвещения в любом его проявлении, так, по

мысли Карамзина, любая книга может принести пользу человеку, и сам факт чтения уже благотворно влияет на умы.

Еще одна интересная цель, которой пытается достичь статья, это апология Новикова, Карамзин с началом правления Александра I, видимо, возлагает, как и все, большие надежды на усиление и укрепление роли образования и чтения, и его статья – жест поощрения этого свершающегося явления. Время для внедрения массовой литературы и чтения действительно очень подходящее и удобное, и писатель восторженно восклицает: «Одним словом, хорошо, что наша публика и романы читает!»¹.

Первостепенная роль Карамзина – популяризировать литературу, его еще не столько волнуют вопросы выбора и избирательности прочитываемого, сколько сам факт чтения. Думается, что публика еще не сформирована и главный замысел Карамзина заключается в том, чтобы просто заставить ее читать, образовать этот слой населения, интересующийся книгами. Вопрос же, какими именно книгами оно будет интересоваться, уже второстепенен.

Нельзя не отметить его статью «К читателям Вестника», в которой писатель оправдывает тот факт, что критики и русской литературы в принципе в журнале печатается не так много. На самом деле, мысль Карамзина достаточно противоречива: как видно из статьи «О книжной торговле» он говорит о важности просвещения, однако первостепенной целью журнала в обращении к читателям провозглашает развлечение («...мы издаем журнал для всей русской публики, и хотим не учить, а единственно занимать ее приятным образом»²). Стоит понимать, что для редактора понятия образования и развлечения еще не являются оппозициями, а скорее идут неразрывно друг с другом, почти как синонимы. Вновь это некоторый маркетинговый ход Карамзина: учение не есть что-то скучное и, даже читая беллетристику, читатель обогащает свои знания и способен извлекать нравственную выгоду.

Совсем по-другому уже мыслит и смотрит на некоторые идеи через 6 лет после статьи Карамзина и пишет Жуковский, которому и передается роль издателя «Вестника Европы». Первый выпуск под его редакцией открывается статьей «Письмо из уезда к издателю», в которой Жуковский определил, с одной стороны, свои задачи как издателя, а с другой – обозначил программу для писателя и читателя.

«Письмо из уезда к Издателю» на самом деле представляет собой пересказываемый Жуковским монолог некоего Стародума³. Отходя от карамзинского восхищения перед

начинающимся процессом формирования литературы и публики, Жуковский достаточно скептически переосмысляет взгляды своего предшественника⁴. Он говорит о важности избирательности и умения отличить хорошую литературу от плохой. Жуковский не соглашается с Карамзиным, защищавшим все чтива («И романы, самые посредственные, – даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению»⁵) и утверждает, что пользы от такого чтения нет: «Какая от них польза? Решительно никакой: занятие без внимания, пустая пища для ума, несколько минут, проведенных в забвении самого себя, без скуки и деятельности, совершенно потерянных для будущего, – то ли называете, государи мои, чтением?»⁶.

Ссылаясь на Карамзина, на его статью «К читателям Вестника», молодой поэт подтверждает и соглашается с тем, что критика в России еще не достигла той степени развития, когда можно «критиковать» отечественные издания. Оба писателя видят свою роль в том, чтобы подготовить почву для молодых писателей, дать им образцы «нравственной», как считает Жуковский, литературы или беллетристической, популярной, которой отдает предпочтение Карамзин. И примеры будут естественно скорее западные, нежели отечественные (хотя оба публиковали и то, и другое).

Как доказывает в своем комментарии М. Велижев⁷, Жуковский, почти не называя имен, в некотором смысле дискредитирует потенциальных конкурентов славянофильской «партии» (Растопчин, Глинка и Шишков) и дает свою собственную программу, унаследованную от Карамзина⁸: продолжать печатать западную литературу, не забывая об отечественной, формируя тем самым их слияние в одну цельную культуру. Критика же должна появиться в тот момент, когда будет необходимо определить национальную самобытность, что только начинает происходить.

Формируя эти тезисы, Жуковский дает и некоторое руководство не только для писателей (не гоняться за славой, приносить пользу Отечеству и т.д.), но и для читателей («В сии торжественные минуты уединения и умственной деятельности ты возвышаешься духом, рассудок твой озаряется»⁹). Чтение, таким образом, по мысли поэта, двусторонний процесс: писатель должен написать правильно, а читатель правильно прочесть. От культуры воспитания чтения расходятся пути к счастью всего населения, кроме того, Стародум в процессе своего рассказа сам молодеет («я забыл о его сединах, видел перед собою пылкого

молодого человека»¹⁰) и, как будто, преодолевает смерть. Он и воплощает собой тот самый «памятник», о котором идет речь.

Жуковский обрисовывает систему чтения во всей полноте, двигаясь от конечного продукта к его созданию. Про читателя и писателя было уже сказано пару слов, как же должен действовать журнал, посредник между этими двумя инстанциями? По Жуковскому, журнал выступает фильтром, тем, что готовит публику к чтению, а таланты к писательству. Издание, как посредник между этими процессами, оставляет за собой выбор формировать те или иные вкусы общественности и удовлетворять определенные запросы публики.

«Вестник Европы» – это тот пример западной литературы, в некотором роде калька, журнал, из которого можно «списать», подглядеть и создать что-то свое. И Карамзин, и Жуковский придерживаются мнения, что их задача как издателей заключается в обеспечении разнообразия чтения, от которого проистекают и образовательное и увлекательное значения. Однако, как уже было отмечено, если Карамзин популяризирует, то Жуковский – отбирает (возможно, это связано с тем, что чтение так или иначе становится более и более популярным, и к 1808 году уже встает вопрос о выборе приличного чтения). Складывается впечатление, что Карамзин на первых порах изо всех сил пытался создать публику читающую, Жуковский же уже прививает ей вкус и лепит из нее публику, читающую хорошие книги и умеющую отличать и выбирать таковые.

Библиография

- Велижев М.Б.* «Ясный вечер жизни»: Из комментариев к критическим текстам В. А. Жуковского в «Вестнике Европы» // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 30–40.
- Жуковский В.А.* Письмо из уезда к Издателю // Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 158–168.
- Карамзин Н.М.* К читателям Вестника // Вестник Европы. 1802. №23. С.227–229.
- Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 176–180.

Сноски

- 1 *Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 180.
- 2 *Карамзин Н.М.* К читателям Вестника // Вестник Европы. 1802. №23. С. 229.
- 3 Конечно, Стародум известен нам как герой комедии Фонвизина «Недоросль», как резонер, представляющий сосредоточение всех добродетелей и нравственности. Вероятно, что фонвизинские герои разошлись как нарицательные понятия (слово «недоросль» или, как в этом случае, «Стародум»). Более того, Жуковский оставляет это «Письмо» неподписанным (но, безусловно, для всех очевидно его авторство), возможно, что еще очень молодому поэту необходимо авторитетное лицо, и Стародум напрашивающийся в таком случае вариант.
- 4 Слово «предшественник» употребляется в контексте редакторской деятельности.
- 5 *Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России. С. 179.
- 6 *Жуковский В.А.* Письмо из уезда к Издателю // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 159.
- 7 *Велижев М.Б.* «Ясный вечер жизни»: Из комментариев к критическим текстам В. А. Жуковского в «Вестнике Европы» // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 30–40.
- 8 «Конечно, приятно бы было в русском журнале находить одно русское, собственное, не занятое; но можно ли этого требовать?» (Жуковский. Письмо из уезда к Издателю. С. 161.)
- 9 *Жуковский В.А.* Письмо из уезда к Издателю. С. 159.
- 10 *Жуковский В.А.* Письмо из уезда к Издателю. С.164.

Анализ XXIV строфы в Пушкинском «Евгении Онегине»

Вера Костюкова (магистерская программа «Филология»)

Строфа, о которой пойдет речь в данной работе, главным образом посвящена попытке Татьяны найти разгадку тревожному сновидению, которое не дает ей покоя. Этот отрывок является продолжением предшествующего ему в романе в стихах описания ночного кошмара девушки. Татьяна испугана не только его мрачным содержанием, но и неспособностью понять, какие тайные смыслы скрываются за увиденными ей образами.

Описание неудавшейся ворожбы и последующего взволновавшего девушку сна отсылает к балладе В.А. Жуковского «Светлана», на что неоднократно намекает сам А.С. Пушкин, сравнивая Татьяну со Светланой (И молчалива как Светлана¹) или внедряя ее упоминание в речь Автора (И я – при мысли о Светлане // Мне стало страшно – так и быть...). Косвенное внедрение героини Жуковского в текст романа обуславливается не только сходством характеров героинь и ситуаций, в которые они попадают, но также и тем, что таким образом Пушкин связывает свое произведение с предшествующей литературной традицией, отдавая дань своему поэтическому наставнику.

А.С. Пушкин с большим вниманием подходит к подбору лексики и не единожды вносит правки, подбирая формулировку для описания сновидения Татьяны. Так, в ранних редакциях встречаются такие версии как «мечтанье сонное» и «виденье», которые в финальной редакции становятся «мечтаньем страшным». В первом случае, когда сон назван «мечтаньем сонным», можно усмотреть некоторую лексическую избыточность этого выражения: поскольку «мечтание» в финальной редакции является синонимичным «сну», использованное выражение буквально приобретает значение «сон сонный». Однако, у «мечтанья» можно обнаружить и еще один смысл, происходящий из калькирования с французского «gêve», одновременно имеющего значение и «сон» и «мечта». Как ранее упоминается в романе в стихах, Татьяна владеет французским языком лучше, чем русским, и для нее является характерным использование французской лексики и грамматических конструкций в речи, что отражается и в авторских описаниях сцен, в которых она является главным действующим лицом. Вторая редакция при обозначении сна, напротив, характеризуется словоупотреблением, которое вызывает ассоциацию с русской культурой, фольклорностью и некой простонародностью. Использование слово «виденье» вводит контекст крещенских гаданий на суженного, к которым в строфе X той же главы так и не решается приступить Татьяна. Таким образом,

показана двойственность образа героини, о которой в комментарии к роману в стихах «Евгений Онегин» писал Ю.М. Лотман. «Русская душа» Татьяны показана в том числе посредством ее суеверности, которая в эпоху романтизма напрямую соотносилась с народным сознанием, поскольку в них усматривали «поэзию и выражение народной души»². Таким образом, Пушкин посредством противоречивых деталей образа Татьяны формирует цельность сложной героини.

Обращаясь к соннику, Татьяна «хочет отыскать» значение тревожащих ее образов из сна. Сонник является сочинением авторства Мартына Задеки, чьи труды "воспринимались в кругу образованных современников как курьез, однако были известны»³. Сонник, который издается под именем вымышленного автора⁴, использован в данном случае как еще один способ подчеркнуть близость Татьяны к разного рода народным поверьям, в том числе вере в толкование снов.

И в обращении к соннику встречается некая лексическая игра: порядок слов в «оглавлении кратком» автор называет «азбучным» вместо того, чтобы использовать устоявшийся европеизм «алфавитный», что опять же продолжает тему двойственности русского и европейского. Стоит обратить внимание и на тот факт, что «азбучный» порядок слов неправилен, это отмечает В.В. Набоков: «порядок слов на «м» должен быть следующим: «медведь, метель, мосток, мрак»»⁵. Можно высказать предположение о природе этой, на первый взгляд, неточности в тексте произведения. Как упоминается в третьей главе, Татьяна «по-русски плохо знала», что могло послужить причиной тому, что она, будучи в расстроенных чувствах после пугающего сна, путается в алфавитном порядке, пытаясь понять смысл своего «видения».

Далее следует перечень увиденного Татьяной во сне, этот список неоднократно редактировался автором в связи с тем, что «описание чудовищ в сне Татьяны подвергалось переделкам»⁶ и «в связи с изменением описания чудовищ менялся и перечень слов, которые ищет Татьяна в соннике»⁷, о чем пишет Б.В. Томашевский. Так, к примеру, в ранних редакциях присутствует слово «ворон», которое в итоге было заменено на «ведьму» (Слова: бор, буря, ведьма, ель...). В.В. Набоков отмечает, что Пушкин, возможно, «намеревался восстановить строку «ворон в голубой ливрее»»⁸ из описания самого сна Татьяны. Толкования некоторых слов из перечня, как из финальной, так и ранних редакций, («ворон», «еж», «мука»,

«ель» и «медведь») подробно проанализированы Набоковым в комментарии к роману в контексте их значения в соннике и в связи с сюжетом романа. К некоторым из них, а также тем, что были оставлены без внимания, можно предложить и другую трактовку. Образ ворона как предвестник беды встречается как в русском фольклоре, в заговорах – «черное воронище»⁹, так и в древнерусской литературе. В «Слове о полку Игореве» образ черного ворона возникает в связи с приближением войска половцев, что также придает ему негативную коннотацию. Образ «мостка», который также используется в фольклоре в негативном ключе – Калинов мост через реку Смородину является переходом из мира живых в мир мертвых – в контексте романа может сохранять за собой значение перехода из одного состояния в иное. Обе названные трактовки можно усмотреть в дальнейшем сюжете: смерть Ленского на дуэли от руки Онегина, которая также присутствует во сне, но куда менее иносказательно, и дальнейшие изменения в жизни Татьяны, в которых присутствует своего рода «переход» – относительно скорое замужество. Таким образом, посредством этой строфы более подробно раскрывается характер Татьяны, а также намечаются некоторые значимые сюжетные элементы романа.

Библиография

- Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 т. // Том 4. Евгений Онегин, драматические произведения. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
- Заговорные тексты в рукописных материалах П.Г. Богатырева / Публ. К.К. Богатырева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 227–231.
- Лотман Ю.М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995.
- Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999.
- Томашевский Б.В.* Примечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979; Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978.

Сноски

1 *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 т. // Том 4. Евгений Онегин, драматические произведения. М.: ГИХЛ, 1959–1962. С. 55. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию.

2 *Лотман Ю.М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 648.

3 *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 660.

4 *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. Под ред. А.Н. Николукина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 514.

5 *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. Под ред. А.Н. Николукина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 519.

6 *Томашевский Б.В.* Примечания // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979; Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. С. 498.

7 Там же. С. 499.

8 *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. Под ред. А.Н. Николукина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 519.

9 Заговорные тексты в рукописных материалах П.Г. Богатырева / Публ. К.К. Богатырева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 230.

Авторам:

рекомендации по библиографическому оформлению сносок и списка литературы

1. Оформление сноски

- Сноска ставится перед знаками препинания.

Пример: Главным источником, как писал драматург, был Аммиан Марцеллин¹.

2. Описание книги одного или нескольких авторов

Автор (ФИО). Заглавие книги. Город: Издательство, год издания.

Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Соавторы перечисляются через запятую:

Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М.: Прогресс Универс, 1996.

- Между фамилией и инициалами – пробел(ы); ФИО автора *курсивом*
- Место издания указывается сокращенно, после сокращения ставится точка

М. (Москва)

СПб. (Санкт-Петербург)

Л. (Ленинград)

Другие города полностью

- При двойном (тройном) месте издания – через ;

М.; Л.

Toronto; Amsterdam; New York

- Если дается название издательства, то после места издания ставится двоеточие; после названия издательства ставится запятая (**М.: Искусство, xxxx.**) Если есть слово «Изд-во», то название – в кавычках, если нет, то без:

М.: Искусство, 1999.

М.: Изд-во «Искусство», 1999.

- Если названия не дается, то после места издания ставится запятая (**М., xxxx.**)
- После указания года ставится точка.
- Указание конкретной страницы (с пробелом): **С. 000** или **С. 000–000.**

3. Для иноязычных книг:

- Фамилия, инициалы (как и для «кириллических» авторов)

Terras V. Reding Dostoevsky. Madison: University of Wisconsin Press, 1998.

Montaigne M. de. Essais. Paris, 1907.

- Места (города) издания – полностью:

Toronto; Amsterdam; New York

- основные сокращения

Том (Т.) = Vol. (Volume) (англ.); T. (tom(e)) (англ., фр.); Bd (Band) (нем.)

Часть (Ч.) = Part (англ.); Partie (фр.); Teil (нем.)

Номер (№) – в русской библиографич. традиции записывается так же, но в англ. традиции No. 4

Страница (С.) = P. (page) (англ., фр.); S. (Seite)

4. Область заглавий и сведений об ответственности (кто подготовил, составил):

- Дается сразу после заглавия **через косую черту (/)**, без другого знака препинания
- После косой черты с большой буквы
- Разные сведения даются через точку с запятой
- При перечислении **людей, готовивших издание**, после косой черты (/), **сначала** даются их инициалы, потом фамилия!
- Сокращения:

сост. – составитель

вступ. ст. – вступительная статья

предисл. – предисловие

подгот. текста – подготовка текста

ред. – редактор / под ред. – под редакцией

коммент. – комментарий

примеч. – примечания

пер. – перевод

5. Описание многотомников

- В общей части сводного библиографического описания многотомного издания приводят библиографические сведения, общие для всех или большинства томов, в спецификации — частные, относящиеся к отдельным томам.
- Нужно указать, сколько томов в издании. После заглавия двоеточие и с большой буквы (В 20 т.)

Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Ю. В. Томашевского. Л.: Художественная литература, 1986.

Каверин В. А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1963–1966.

- Если ссылка на один из томов, то сначала описывается издание целиком, а потом конкретный том.
- Выходные данные в этом случае даются для конкретного тома.

Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1961. С. 125–266.

6. Описание отдельного раздела из книги (статьи из сборника)

Автор. Название раздела (статьи) // Автор книги (сборника). Название книги (сборника). Город: Издательство, год. Номера страниц, на которых помещен раздел (статья).

Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 56–127.

7. Описание статьи из журнала

Автор. Название работы // Название журнала. Город: Издательство (если есть), год выпуска. Номер. Страницы, на которых размещена статья.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. М., 1990. № 3. С. 134–148.

8. Описание электронного ресурса

- Нужно указать название интернет-ресурса и дату публикации, а после этого — гиперссылку в скобках
- Если опубликованный текст относится к интервью или к другим жанрам, кроме статьи (например, если это стихотворение), характер материала лучше пояснить в квадратных скобках.

Глухов А.А. Справедливость в классической политической философии [семинар] // YouTube. 23 октября (<https://www.youtube.com/watch?v=nQoH9pTKSuM>). Просмотрено: 25.10.2018.